

ТРАГЕДИИ ТЮТЧЕВА В ЛЮБВИ



Николай Шахмагонов

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

Трагедии Тютчева в любви

«ВЕЧЕ»

2021

Шахмагонов Н. Ф.

Трагедии Тютчева в любви / Н. Ф. Шахмагонов — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-8659-3

Федор Иванович Тютчев – человек необыкновенно страстный, влюбчивый и пылкий, совершенно непохожий на задумчивого философа, которым он предстаёт в лирике. Сын поэта Федор Федорович писал: «Федор Иванович, всю жизнь свою до последних дней увлекавшийся женщинами, имел среди них почти сказочный успех... В его отношениях не было и тени какой-либо грязи, чего-нибудь низменного, недостойного. В свои отношения к женщинам он вносил такую массу поэзии, такую тонкую деликатность чувств, такую мягкость, что походил больше на жреца, преклоняющегося перед своим кумиром...» Тютчев считал, что любовь – это не только «союз души с душой родной», но и борьба неравная двух сердец, и «роковое их слиянье и поединок роковой». В очередной книге серии раскрываются тайны трагедий и драм великого поэта.

ISBN 978-5-4484-8659-3

© Шахмагонов Н. Ф., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

«Тут не одно воспоминанье...»	6
«Да будет Он для вас покров, надежда и спасенье...»	15
Литературная душа России	25
«Тебя ж, как первую любовь»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Николай Шамагонов

Трагедии Тютчева в любви



© Шамагонов Н.Ф., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>



«Тут не одно воспоминанье...»

Истоки необыкновенного «жизнелюбия» человека мы можем найти в его детстве. В данном случае под «жизнелюбием» я подразумеваю влюбчивость, даже в какой-то мере страсть к амурным приключениям. Ещё в советские времена в войсках, в среде офицерской, мы называли «жизнелюбами» больших любителей любовных отношений с представительницами прекрасного пола. Правда, к разряду жизнелюбов относились всё-таки офицеры в достаточно высоких званиях, младших же звали несколько иначе... Уточнять не буду. Но в любом случае определения таковые относились к обычным, нетворческим натурам. Ну а натуры творческие жили, живут, да и будут жить по своим правилам, которые продиктованы им необыкновенными качествами, заставляющими творить.

Но почему вдруг такое странное вступление я сделал к книге о Фёдоре Ивановиче Тютчеве? Да потому, что речь пойдёт о совершенно необычных его любовных трагедиях и драмах. Именно необычных, не свойственных, как правило, даже натурам творческим, а уж нетворческим и подавно, но тем не менее попадающим под этот шуточный разряд жизнелюбия. Ну и, конечно, попробую отыскать причину, почему увлечения Тютчева, да и не только увлечения, но особенно и то, что мы считаем сильнее и ярче увлечения, именуя высоким словом Любовь, к сожалению ныне весьма опошленным, но оттого не перестающим быть волшебным и таинственным, оказывались быстротечными и на первый взгляд мимолётными и непрочными.

Прежде всего это случилось потому, что Фёдор Иванович Тютчев, подобно Пушкину, Лермонтову, Тургеневу, Льву Толстому, Бунину и многим другим писателям и поэтам, художникам и композиторам испытал в детстве первые, ещё отроческие переживания, связанные с насильственным разлучением с предметом его первой любви.

Когда родители – или не родители, а просто обстоятельства – лишают влюблённых возможности быть вместе, часто происходит так, что ни один из разлучённых и нравственно оттого пострадавших, особенно если чувства были действительно сильными, уже не может построить в дальнейшем тот союз, который бы мог построить, сложись его первая любовь счастливо. Ныне вообще много пишут о том, что каждому из людей Создателем, Высшими Силами, Небесами или Высшим Разумом – кому как называть это нравится – даётся единственный раз в жизни подсказка в выборе своей второй половинки. И если проглядел такую подсказку или по каким-то обстоятельствам не смог реализовать сам или помешали реализовать её какие-то причины, то впоследствии бесплодный поиск семейного счастья будет продолжаться всю жизнь и в этом поиске зачастую будут за любовь приниматься увлечения, коих, может статься, будет и немало.

Это одинаково можно отнести ко многим российским писателям – это можно отнести к Тургеневу, Бунину – это целиком касается и Тютчева. Встреч у Тютчева было много, даже браки были, как, к примеру, у Бунина, женатого дважды, а была ли любовь? И не призрачным ли являлось счастье, если Тютчев сам признавался, что не в силах порой отвечать на чувства, испытываемые к нему, к примеру, даже Еленой Денисьевой, столь же всепобеждающими чувствами.

Тютчев нам известен с самой ранней поры, и известен прежде всего как непревзойдённый лирик. Кто ещё с такой любовью мог описать природу родного края?! Возьмём любое из множества замечательных стихотворений.



Осень. Художник Ю.Ю. Клевер

К примеру, «Осенний вечер»:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерёв,
Багряных листьев томный, лёгкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможение – и на всём
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовём
Божественной стыдливостью страданья!..

Но Тютчев известен и как величайший патриот, бесконечно преданный России. И не просто преданный, а всю свою жизнь посвятивший борьбе за Россию и на поприще дипломатическом, и на поприще поэтическом, и даже пророческом.

Александр Сергеевич Пушкин говорил о предназначении поэта:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

И Тютчев словно развивал эту мысль. Вспомним хотя бы такие его строки...

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В России можно только верить.

Тут сразу нужно сделать уточнение. Часто в стихотворении, да, пожалуй, всегда приводится строка с ошибкой – «в Россию можно только верить», а между тем Тютчев написал именно «В России можно только верить».

Улавливаете разницу?

Приведу и короткое четверостишие, которое сам поэт назвал «Спиритическим предсказанием»:

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трёх её столиц.

Об этом стихотворении мы ещё поговорим подробнее в соответствующей главе. Весьма характерно и стихотворение «Рассвет», тоже пророческое:

Ещё молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.
Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

И это стихотворение станет далее предметом для серьёзного разбора и серьёзных размышлений, ведь Фёдора Ивановича Тютчева вполне заслуженно называли «поэтом-пророком»!

И вдруг выясняется, что этот ответственный работник Государственной коллегии иностранных дел, этот поэт, прославлявший доблесть, честь, мужество и славу, был женат дважды официально, да ещё один раз неофициально при живой-то жене и, мало того, не упускал случая завести любовные романы, когда встречал достойные, по его мнению, предметы для обожания. Причём от жён мог уходить просто, без каких-либо объяснений и пояснений, как обычно уходят, к примеру, на службу. Ещё не расставшись со второй женой и, представьте, продолжая её любить, он сделал стремительные движения навстречу новой любви, навстречу новой избранницы.



Москва. Вид на Кремль с Москворецкого моста.
Художник В.С. Садовников

Ну а о связях, которые не оканчивались браками, мы и говорить не станем. Так что же это? В советские времена за подобное поведение вызвали бы на партком и пропесочили по первое число, обвинив в распущенности. Но при Тютчеве парткомов не было. Однако в царской России было общество, зачастую, мягко говоря, неважное, существовало и определённое общественное мнение... Общество не простило Тютчеву его внебрачные отношения с Еленой Денисьевой, ну а то, что на такое пошёл величайший поэт России, вызывало лишь ещё больший гнев и ещё более дерзкие на него нападки.

Так действительно ли Тютчев был ловеласом, донжуаном, словом, мог соответствовать подобным эпитетам, которыми награждали общественные ревнители благочестия за такое поведение? И можно ли его назвать жизнелюбом, вкладывая в это наименование несколько шуточный смысл?

Давайте послушаем, что говорил о нём сын, Фёдор Фёдорович Тютчев, ставший, между прочим, великолепным русским военным писателем. Судьба его достойна того, чтобы стать предметом отдельного исследования. Фёдор Фёдорович Тютчев был сыном избранницы поэта Елены Александровны Денисьевой. Он всю жизнь свою посвятил Отечеству, служил в пограничной страже, воевал на фронтах Первой мировой войны, дослужился до чина полковника и умер от ран в госпитале в 1916 году.

Об отце, точнее, об амурных увлечениях отца он отзывался так:

«Фёдор Иванович, всю жизнь свою, до последних дней увлекавшийся женщинами, имевший среди них почти сказочный успех, никогда не был тем, что мы называем развратником,

донжуаном, ловеласом. Ничего подобного. В его отношениях не было и тени какой-либо грязи, чего-нибудь низменного, недостойного.

В свои отношения к женщинам он вносил такую массу поэзии, такую тонкую деликатность чувств, такую мягкость, что походил больше на жреца, преклоняющегося перед своим кумиром, чем на счастливого обладателя».

А литературовед, критик и публицист Вадим Кожинов в книге «Тютчев», вышедшей в серии ЖЗЛ, писал:

«...Полюбив, Тютчев уже не умел, не мог разлюбить. Любимая женщина являла для него как бы полнозвучное воплощение целого мира – неповторимое, но всё же несущее в себе именно всё богатство мира, воплощение. Это ясно запечатлелось в его стихотворении о той, которую мы знаем как первую любовь Тютчева и которая, если исходить из свидетельства его поэзии, была вместе с тем и последней его любовью. Оговорка «мы знаем» нужна здесь потому, что Тютчев пережил свои первые увлечения ещё в России, до отъезда в Германию, но нам о них ничего не известно».

Вот на эту сторону отношений поэта с представительницами прекрасного пола и обратим внимание. Представьте, он мог написать жене, причём жене в разгар своей новой любви:

«Ты – самое лучшее из всего, что известно мне в мире»?

А как же новая любовь? Она существовала параллельно с той, что умерла, но оставалась в сердце.

Любовь – Божественный дар, Любовь как образ вечный, Любовь и красота спасут мир. Мы привыкли к этим фразам и часто повторяем их, не вдумываясь в глубочайший смысл сказанного. Юношам и девушкам порой, родители дают «умные» советы: «Ты не люби эту, а люби ту» или: «Ты не люби этого, а люби того». Дают советы, совершенно забывая свою молодость, забывая то, что нельзя любить по заказу, невозможно назначить себе одну любовь и запретить – опять же самому себе – любовь другую.

Вот такую «невозможность» насилия над собой, над своим сердцем, над своей душой сполна испытал Фёдор Иванович Тютчев.

Один из биографов поэта написал:

«В двух случаях из трёх семейная жизнь Тютчева была трагедией и один раз – драмой».

Это заявление – уже загадка. Но ещё большая загадка – любовь Тютчева в зрелом возрасте одновременно к двум женщинам – к Эрнестине Фёдоровне Пфедфель, уже ставшей Тютчевой, уже сделавшейся законной женой, и к Елене Александровне Денисьевой... Да, именно Любовь – не увлечение, не влюблённость, а большая любовь до боли сердечной. Строки, приведённые выше, адресованы поэтом именно Эрнестине.

А может ли быть такое? И почему биографы называют то, что столь сильно вдохновило поэта, что, несомненно, дало неиссякаемые силы его творчеству, не иначе как трагедией или драмой?

Вот что говорит о цели брака священник протоиерей Андрей Ткачёв:

«Полноценные отношения мужа и жены, взаимная любовь навеки – это и есть цель брака. Муж и жена – не родственники. Это один человек. Нет никого в мире ближе, чем муж и жена. Дети, рождённые от мужа, дальше от женщины, чем муж к ней. Это на самом деле элементарнейшие вещи, которые никто не знает и знать не хочет. Есть у тебя дети или нет у тебя детей, ты должен любить жену больше всех на свете. Нет никого ближе мужу, чем жена. И нет никого ближе жене, чем муж. Никого!.. Ни дети, ни мама твоя. Муж и жена – это один человек. И любить партнера нужно больше, чем мать, и больше, чем детей. Какова же цель брака? Муж и жена в своем добровольном любовном союзе являются некоей тайной, указывающей на Христа и церковь. Это максимально близкое общение двух людей, которое превращает двух людей в одного человека. Это один человек».

Таково мнение священника. Мы можем соглашаться или не соглашаться, но сейчас очень много публикаций на эту тему, в которых говорится, что при слиянии любящих существ, мужа и жены, если там любовь, конечно, выделяется огромная положительная энергия в Космос, она вырывается наружу, в атмосферу, распространяя волны, очищающие окружающую среду от зла и всякой нечисти.

Впрочем, бывает и другое...

Конечно, нам непривычно то, что говорит священник. Нам представляется, что дети, и только дети должны стоять на первом месте. Но тут ведь всё объяснимо – слишком редки прочные браки, основанные на искренней и нелицемерной любви, на любви всепобеждающей. А священник говорит именно о такой любви, любви, когда два существа – разумеется, мужского и женского пола – сливаются воедино. И тут не требуется выбирать, кого необходимо любить больше – жену (мужа) или детей. Какой же может быть выбор между единым целым и детьми. Конечно, дети на первом месте у того единого существа, которое образуется при слиянии в браке мужчины и женщины. А если вдуматься? Не наши ли представления, которые смело и дерзко, на первый взгляд рушит священник, как раз и приводят ко многим семейным драмам, отражающимся на детях далеко не лучшим образом.

История нам даёт замечательный пример. Когда у Ивана Алексеевича Бунина спрашивали, любит ли он свою жену Веру Николаевну Муромцеву-Бунину, он отвечал:

– Любить Веру?! Это то же самое, что любить свою руку или ногу...

Брак был бездетным, но какой брак! Даже как-то само слово «брак» здесь не подходит.

В своё время Лев Николаевич Толстой написал, что русские писатели чувствовали бы себя гораздо лучше, если бы у них были такие жёны, как у Достоевского. Да, действительно, Анна Григорьевна Достоевская была уникальной женщиной, была необыкновенной женой. Вот пример того, какое слияние возможно в браке. Она и после ухода в мир иной Фёдора Михайловича осталась мысленно навсегда с ним, посвятив всю жизнь его творчеству, его наследию, а когда в 1918 году композитор Сергей Прокофьев попросил её сделать какую-то запись в его альбом, который он хотел посвятить солнцу, она написала: «Солнце моей жизни – Фёдор Достоевский. Анна Достоевская...»



А.Г. Достоевская

Льву Николаевичу Толстому не суждено было оценить Веру Николаевну Муромцеву-Бунину. Он ушёл из жизни в 1910 году, в то время как свой подвиг жены, ангела-хранителя замечательнейшего русского писателя и поэта Ивана Алексеевича Бунина, она свершила

именно в последующие годы – в «окаянные дни» революции и Гражданской войны, в тяжелые годы эмиграции. Если бы Толстой знал о таком подвиге, думаю, он бы посвятил Вере Николаевне подобные же строки.

Ведь она – для многих, особенно, наверное, читателей, покажется немислимым сказанное – с пониманием относилась даже к постоянным увлечениям Ивана Алексеевича, видя в них движитель творчества. Когда ей сообщили о том, что Бунин увлечен Галиной Кузнецовой, молодой литераторшей – на звание писательницы она явно не тянула, – Вера Николаевна не скандалила, не пыталась схватить кинжал и вонзить его в себя, подобно Элеоноре Тютчевой, а, хоть и с горечью в голосе, хоть подавляя в себе обиду, сказала:

«Пусть любит Галину... только бы от этой любви ему было сладостно на душе».

Но что же у Тютчева? Мы рассмотрим в последующих главах его отношение и к жёнам, и к детям, да и вообще попробуем понять, отчего ему столь характерна любвеобильность. Насколько он любил женщин и насколько был чадолюбив? Поэт словно спешил, словно опасался, что у него отнимут предмет или даже предметы его страстной влюблённости, его любви. Часто такие истоки можно найти в юности, когда в пору самых искренних и незамутнённых чувств возникают преграды, зачастую созданные лишь обычаями, а на деле являющиеся виртуальными.

Считается, что первое поэтическое посвящение Тютчева адресовано Амалии Лерхенфельд (в замужестве Крюднер). Вот строки из этого стихотворения:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

Но в заключительном четверостишии загадка:

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Пролетала тень жизни? То есть не было счастья в этой любви? Мы попробуем разгадать и эту загадку, тем более удивительно, что и самое последнее в его жизни стихотворение, не просто посвящение, а посвящение, ставшее знаменитым, посвящение, положенное на музыку, адресовано всё той же Амалии:

Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Истории рождения этого прекрасного стихотворения, ставшего знаменитым романсом, мы коснёмся в конце книги.

А пока попробуем разобраться, не таится ли за первым посвящением то нежное, непорочное, незамутнённое чувство, которое мы называем первой любовью.

Но прежде поговорим об истоках поэтического творчества, того поэтического творчества, которое освещено высоким чувством любви к Отечеству, к родителям, всепобеждающей любви к Женщине, как, судя по словам священника, приведённым в начале главы, всё-таки

являющейся высшей степенью, высшей формой Любви, ибо мир держится не просто на любви, а на любви, не дающей угаснуть этому миру и обеспечивающей его существование, обеспечивающей продолжение жизни на земле.

«Да будет Он для вас покров, надежда и спасенье...»

Фёдор Иванович Тютчев родился в дивном краю, давшем России немало величайших мастеров русской словесности – великолепных поэтов и прозаиков. В краю Тургенева, Бунина, Льва Толстого, Никитина, Лескова... В этом благодатном краю Черноземья, в родовой усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии 5 декабря 1803 года впервые взглянул на свет Божий Фёдор Иванович Тютчев.

Иван Сергеевич Аксаков в «Биографическом очерке», посвящённом Тютчеву, писал:

«Фёдор Иванович был второй, или меньший, сын Ивана Николаевича и Екатерины Львовны Тютчевых. ... Тютчевы принадлежали к старинному русскому дворянству. ... В Никоновской летописи упоминается «хитрый муж» Захар Тутчев, которого Дмитрий Донской, пред началом Куликовского побоища, подсылал к Мамаю со множеством золота и двумя переводчиками для собрания нужных сведений, – что «хитрый муж» и исполнил очень удачно. В числе воевод Иоанна III, усмирявших Псков, называется также «воевода Борис Тютчев Слепой». С тех пор никто из Тютчевых не занимал видного места в русской истории ни на каком поприще деятельности».

Русский писатель и переводчик Борис Константинович Зайцев (1881–1972) опубликовал в 1949 году в парижском журнале «Возрождение» «Тютчев: жизнь и судьба: (к 75-летию кончины)», в котором проникновенно, можно даже сказать, пронзительно написал о судьбе Ф.И. Тютчева, в том числе и о его детских годах, проведённых в Овстуге:

«...Как звезды ясные в ночи». Это стихи Тютчева. Да, звезды. «Любуйся ими – и молчи». Но стихи рождены жизнью. Тютчевские стихи особенно изошли из его жизни и судьбы. Может быть, сама жизнь эта есть некое художественное произведение?



И.Н. Тютчев. Художник Ф. Кюнель

Её начало озарено почти волшебю; роскошный дом имения Овстуг (Брянского уезда, Орловской губернии). Изящный, ласковый мальчик, очень одаренный, баловень матери. В доме смесь духа православного с французскими влияниями. – Так и всегда было в барстве русском. Говорили в семье по-французски, а у себя в комнате Екатерина Львовна, мать поэта (урожденная графиня Толстая), читала церковно-славянские часословы, молитвенники, псалтыри. «Юный принц» возрастал привольно. Учился, но нельзя сказать, чтобы умучивался трудом – навсегда осталось широкое, вольготное отношение к работе».



Е.Л. Тютчева. Неизвестный художник

Действительно, образование Тютчев получил домашнее, которое благодаря подбору учителей стало поистине первоклассным. Особенно увлекли латынь и древнеримская поэзия. Возможно, именно они подтолкнули к первым опытам поэтического творчества. Тринадцатилетним мальчишкой он сделал перевод нескольких од Горация.

Сейчас много говорится о недостатках современного образования. Да, безусловно, они налицо. Но разве это впервые в России? Разве такого не было прежде?

Возьмём для примера царствование императрицы Елизаветы Петровны.

Тогда ведь доходило до смешного. Впрочем, смешно ли? Скорее, можно сказать, горько было. Вот только один пример...

В книге историка А.Н. Фатеева «Потёмкин-Таврический», изданной Русским научно-исследовательским объединением в Праге в 1945 году, приводится такой весьма характерный для того времени пример:

«Французский посланник при Елизавете Лопиталь и кавалер его посольства Мессельер, оставивший записки, были поражены французами, встреченными в России в роли воспитателей юношества. Это были большей частью люди, хорошо известные парижской полиции. «Зараза для севера», как он выражается. Беглецы, банкроты, развратники... Этими соотечественниками члены посольства так были удивлены и огорчены, что посол предупредил о том русскую полицию и предложил, по расследовании, выслать их морем».

Но то же самое время дало России выдающихся мужей, причём получивших образование «на домашнем коште», как Пётр Александрович Румянцев, который, правда, начал учёбу в кадетском корпусе, но был отчислен из него как большой забияка и продолжил образование дома, Александр Васильевич Суворов, который прошёл азы наук под руководством отца и лишь потом, во время службы в лейб-гвардии Семёновском полку, добился разрешения посещать лекции в Санкт-Петербургском шляхетском кадетском корпусе, как несколько позже Михаил Илларионович Кутузов, тоже обучавшийся дома и в Инженерном и Артиллерийском кадетском корпусе.

Таких примеров множество.

Каково же было образование Фёдора Тютчева, видно по первым его стихам, которые уже вполне совершенны. Приведу строки из большого стихотворения «На новый 1816 год»:

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —

И се! Одеанный блистательной Зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый Сын Солнца – Новый Год!..
Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вращающихся времен,
Как капля в Океан, он в Вечность погрузился!
Сей Год равно пройдет!.. Устав Небес священ.
О Время! Вечности подвижное зеркало! —
Все рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых Смертного очей!..
Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред Грозным Богом сим?

Напомню... Тютчев родился в 1803 году, то есть в 1815–1816 (так указано под стихотворением) ему было 12–13 лет...



Ф.И. Тютчев в детстве. Неизвестный художник

И нельзя не обратить внимания на то, сколь легко он оперирует именами из греческой мифологии... ведь упомянутый Крон (Хронос) – бог времени, Вавилон – столица Вавилонского царства (IX–VI вв. до н. э.), а Мемфис – столица Древнего Египта, находившаяся южнее современного Каира, и Илион, малоизвестное второе название Трои. «Илиада» Гомера названа именно по Илиону... Так говорится в комментариях к стихотворению.

Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!

Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вокруг развалин Илиона
Колючи терны обвилились!..

И далее следует множество мифологических названий... А ведь Тютчев к тому времени ещё нигде официально не обучался, и всё это было результатом домашнего образования.

И снова о любви... В данном случае о любви к родителям, в данном случае любви нелицемерной, искренней, ибо только искренняя, чистая, сильная любовь может вылиться в поэтические строки.

Приведу его посвящение отцу в день его рождения 12 октября 1816 года.

Оно так и называется – «В день рождения любезнейшего папиньки!»:

Как можем пред тобой, родитель наш любезный,
Сердечны чувства изъяснить,
Где сыщем дар столь драгоценный,
Который бы могли тебе мы посвятить;
Какие принесем мы дани
В залог твоих благодеяний.
Десница щедрости Всевышнего Творца
Достойно наградит твои о нас раченья,
А мы приносим дар в день твоего рожденья
Любовию к тебе горящие сердца.

В посвящённом Тютчеву «Биографическом очерке» Иван Сергеевич Аксаков, муж старшей дочери поэта Анны, так рассказал об отце Фёдора Ивановича: «...Иван Николаевич ... отличался необыкновенным благодушием, мягкостью, редкой чистотой нравов и пользовался всеобщим уважением. Окончив своё образование в Петербурге, в Греческом корпусе, основанном Екатериной в ознаменование рождения великого князя Константина Павловича и под влиянием мысли о «Греческом прожекте», Иван Николаевич дослужился в гвардии до поручика и на 22-м году жизни женился на Екатерине Львовне Толстой, которая была воспитана, как дочь, родной своей теткой, графиней Остерман. Затем Тютчевы поселились в орловской деревне, на зиму переезжали в Москву, где имели собственные дома и подмосковную, – одним словом, зажили тем известным образом жизни, которым жилось тогда так привольно и мирно почти всему русскому зажиточному, досужему дворянству, не принадлежавшему к чиновной аристократии и не озабоченному государственной службой. Не выделяясь ничем из общего типа московских боярских домов того времени, дом Тютчевых – открытый, гостеприимный, охотно посещаемый многочисленной родней и московским светом, был совершенно чужд интересам литературным, и в особенности русской литературы. Радужный и щедрый хозяин был, конечно, человек рассудительный, со спокойным, здравым взглядом на вещи, но не обладал ни ярким умом, ни талантами. Тем не менее в натуре его не было никакой узкости, и он всегда был готов признать и уважить права чужой, более даровитой природы».

Тютчев был хорошим сыном, его любовью к родителям пронизаны и письма, и стихи. Вот посвящение матери «В день рождения милой маминьки»:

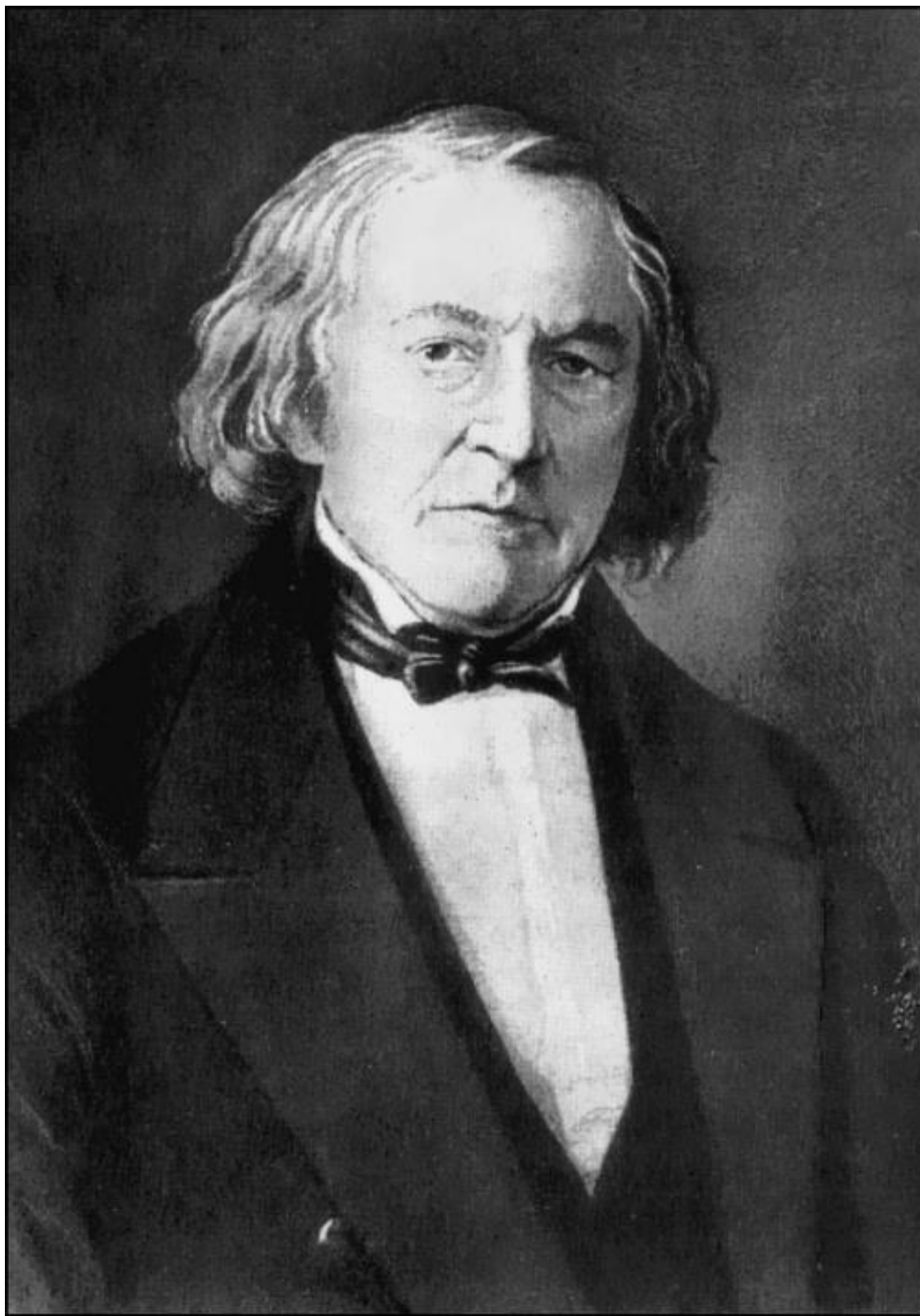
Румяная Заря из недр хрустальных вод
Восходит на олимпы – и мрак рассеивает
И прояснившийся небес лазурный свод
Златым лучом осиявает.
И се – блестящий Царь превыспренных планет

В предначертанный путь в величии грядет
И светом Шар Земной, как ризой, одевает.
Умеди Феб златый в сей день свое течение,
Продли его – и с ним и наше восхищенье.
Ты некогда, о Царь превыспренных светил,
В сей день, в сей самый день рожденье озарил
Той нежной Матери, которой одолжены
Мы счастьем своим и самым бытием,
Руководимы Ей средь мрака преткновений
Надежную стопой к блаженству мы идем.
Как Феб златый горит и мрак рассеивает,
Так ваше счастье в подлунной да сияет,
Чадолюбива мать!.. О сем к Творцу миров
Да будет Он для вас покров,
Надежда и спасенье.

Видно, что не везде выдержан ритм, но это ещё только начало, это учёба у других поэтов. К примеру, Иван Алексеевич Бунин признался, что, садясь за работу над поэтическими произведениями, выкладывал на письменный стол томики мастеров русской поэзии – Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Неизвестно, чьи стихи брал за образец Тютчев, но его первые опыты путём постоянного совершенствования превратились в подлинные поэтические шедевры.

Под этим стихотворением дата не стоит, но, очевидно, написано оно тоже до окончательного переезда в Москву в Овстуге, как полагают некоторые биографы, с помощью учителя Фёдора Тютчева Семёна Егоровича Раича, поэта и переводчика, приобщившего своего ученика к античной и итальянской поэзии. Об учителе И.С. Аксаков писал: «Человек ученый и вместе вполне литературный, отличный знаток классической древней и иностранной словесности, Раич стал известен в нашей литературе переводами в стихах Вергилиевых «Георгию», Тассова «Освобожденного Иерусалима» и Ариостовой поэмы «Неистовый Орланд».

Семен Егорович Раич впоследствии был воспитателем Михаила Юрьевича Лермонтова и поэтессы, переводчицы и драматурга Евдокии Петровны Ростопчиной (в девичестве Сушковой), знаменитой хозяйки литературного салона.



С.Е. Раич

Фёдор Иванович Тютчев, по словам И.С. Аксакова, «чрезвычайно походил на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замечательного ума, сухощавого, нервного сложения, с склонностью к ипохондрии, с фантазией, развитой до болезненности». Иван Сергеевич отметил: «Отчасти по принятому тогда в светском кругу обыкновению, отчасти, может быть, благодаря воспитанию Екатерины Львовны в доме графини Остерман, в этом вполне русском семействе

Тютчевых преобладал и почти исключительно господствовал французский язык, так что не только все разговоры, но и вся переписка родителей с детьми и детей между собой, как в ту пору, так и потом, в течение всей жизни, велась не иначе как по-французски. Это господство французской речи не исключало, однако, у Екатерины Львовны приверженности к русским обычаям и удивительным образом уживалось рядом с церковнославянским чтением псалтырей, часословов, молитвенников у себя, в спальней, и вообще со всеми особенностями русского православного и дворянского быта. Явление, впрочем, очень нередкое в то время, в конце XVIII и в самом начале XIX века, когда русский литературный язык был ещё делом довольно новым, ещё только достоянием «любителей словесности», да и действительно не был ещё достаточно приспособлен и выработан для выражения всех потребностей перенятого у Европы общежития и знания».

Раболепие перед французским было большой бедой для русского культурного слоя тех лет. Лучшие русские государи боролись с этим, но победить было трудно, поскольку с петровских времён сложились какие-то дикие правила и традиции, видеть у себя только плохое, а у Запада и ловцов чинов оттуда только хорошее. Правда, как видим, в основном следуя дикой моде, мать Тютчева всё-таки осталась русской женщиной и сумела вложить в воспитание сына всё самое необходимое.

И он был всегда благодарен родителям за свое образование и воспитание.

1837 год. Тютчеву тридцать четыре года. И какие нежные слова льются из души и растекаются по бумаге, на которой пишет домой...

Любек. Воскресенье. 15/27 августа 1837 года. Тютчев описывает своё путешествие в Любек и признаётся родителям: «Я бы охотно отдал половину своей курьерской дачи, чтобы иметь теперь весточку от вас. Завтра уже девятый день. Уповаю на Бога, что все благополучно».

В письме сквозит беспокойство...

«Маменька, каковы вы?.. Если бы я имел достаточно здравого смысла, то неделю назад я бы оставил вместо себя кучера Сушковых плыть в Любек, а сам бы вернулся к вам. Я бы избежал тогда всех этих тревог, да и вы, наверное, тоже».

Или вот в следующем письме:

«Мне одного очень, очень жаль. Я не умел, прощаясь с вами, поблагодарить вас за всю вашу любовь... Я знал всегда и помнил, что вы меня любите... Но после стольких лет разлуки я невольно был приятно изумлен, видя, что можно быть так любиму... От всей души благодарю вас... Простите мне многое, что могло во мне огорчить вас во время моего короткого пребывания. Я чувствую, как часто я бывал поистине несносен. Не припишите этого не иному чему, как странному полуболезненному состоянию моего здоровья – будь это сказано не в извинение моё, но в повинение. Не поминайте меня лихом».

Письма были тёплыми и нежными, в них вся его широкая русская душа, всё любящее сердце.

«Сколько раз, маменька, думал о вас во время нашего многотрудного плавания. Сдавалось ли вам, что о вас думают на острове Борнгольме, где мы, за бурей, принуждены были простоять целые сутки на якоре. Не хороша гроза на Поварской, но на море еще хуже».

Иван Сергеевич Аксаков отметил, что Тютчев рос необыкновенным ребёнком...

«С самых первых лет он оказался в ней каким-то особняком, с признаками высших дарований, а потому тотчас же сделался любимцем и баловнем бабушки Остерман, матери и всех окружающих. Это баловство, без сомнения, отразилось впоследствии на образовании его характера: ещё с детства стал он врагом всякого принуждения, всякого напряжения воли и тяжёлой работы. К счастью, ребёнок был чрезвычайно добросердечен, кроткого, ласкового нрава, чужд всяких грубых наклонностей; все свойства и проявления его детской природы были скрашены какой-то особенно тонкой, изящной духовностью. Благодаря своим удивительным способностям учился он необыкновенно успешно. Но уже и тогда нельзя было не заме-

тить, что учение не было для него трудом, а как бы удовлетворением естественной потребности знания. В этом отношении баловницей Тютчева являлась сама его талантливость».

Литературная душа России

Я уже упоминал, что Фёдор Иванович Тютчев вырос не только в прекрасной семье, он вырос в изумительном краю Черноземья, а Черноземье называют поэтической душой России, иногда уточняя – Орловщина и есть эта литературная душа.

Орловская губерния... В ту пору Овстуг входил в Брянский уезд Орловской губернии. Лишь в 1920 году Брянск стал губернским городом, но ненадолго, ибо в 1930 году его включили в состав Западной области, и лишь 5 июля 1944 года была образована Брянская область. И с тех пор Овстуг уже как бы и не на Орловщине находится. Это уточнение важно, поскольку обычно можно услышать, что Тютчев уроженец Орловской губернии, а музей его находится в Брянской области, в Овстуге.



Дом усадьбы Овстуг, воссозданный в 1986 г. по проекту В.Н. Городкова

Впрочем, административные деления бессильны перед главным – Тютчев родился в уникальном, благодатном краю Черноземья, краю плодородном в отношении сельского хозяйства, что широко известно. Ну а уж в отношении русской словесности, он стал особенно урожайным: дал России замечательных поэтов и писателей. Напомню самых знаменитых...

Родом с Орловщины Иван Алексеевич Бунин, который с восхищением воспевал родной край:

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру

Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок – как шёлк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол – гигант, тяжёлый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

Стихотворение называется «Детство». Детские годы Бунина, родившегося, правда, в Воронеже, прошли на Орловщине, где он учился в Елецкой гимназии, а затем, в юности, работал в «Орловском вестнике». Природу края он воспел с необыкновенной любовью не только в стихах, но и в романе «Жизнь Арсеньева», и во множестве рассказов.

Бунин писал: «Когда я вспоминаю о родине, передо мной прежде всего встает Орел, затем Москва, великий город на Неве, а за ними вся Россия».

Родился в Орле и до пятнадцатилетнего возраста жил на Орловщине Иван Сергеевич Тургенев, а затем очень часто приезжал в родные края, где бродил по окрестностям Спаского-Лутовинова с ружьём, хотя главной добычей этих походов явились великолепные произведения, напоенные ароматом Черноземья. Имение Тургеневых находилось в 10 километрах от уездного Мценска. Именно там полились замечательные стихи, такие как «Весенний вечер»:

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.
Молчит и млеет лес высокий,
Зелёный, тёмный лес молчит.

Природа этого края ярко сверкает и в «Записках охотника», и во многих других произведениях.

В селе Горохово Орловского уезда Орловской губернии родился Николай Семёнович Лесков, замечательный русский прозаик. До нас не дошли его стихи, но великолепная художественная проза напоена изяществом слога, порой поэтического, присущего тем, кто впитал в себя русский дух и необыкновенную силу живописного края Черноземья.

Возьмём знаменитый очерк – почему-то Лесков указал именно такой жанр – «Леди Макбет Мценского уезда». Сколько там великолепных картинок...

«Тёплые молочные сумерки стояли над городом». Или: «На дворе после обеда стоял пёк-лый жар»... А вот ещё картинка: «Лунный свет, пробиваясь сквозь листья и цветы яблони, самыми причудливыми, светлыми пятнышками разбегался по лицу и всей фигуре лежавшей навзничь Катерины Львовны; в воздухе стояло тихо; только лёгонький тёплый ветерочек чуть пошевеливал сонные листья и разносил тонкий аромат цветущих трав и деревьев. Дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге и к томным желаниям».

Николай Семёнович Лесков писал:

«Орёл вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город...»

Действительно... Вдумайтесь, сколь точно выражена мысль Лескова. Но давайте пойдём ещё дальше, за пределы России. Давайте попробуем назвать такие вот многочисленные плеяды, скажем, германских поэтов, или французских поэтов, или английских... Да, нам известны имена Генриха Гейне, Иоганна Вольфганга Гёте, Фридриха Шиллера... И всё... Конечно, если покопаться в разных энциклопедических изданиях, а теперь и того проще, в Википедии, мы найдём и другие имена, но имена очень малоизвестные. Может быть, отыщем и французских, и английских рифмоплётов. Но их единицы. На Орловщине звёзд первой величины в поэзии только за один девятнадцатый век больше, чем во всей Европе за всю историю литературы. Если сравнить прозаиков, то и там первенство останется за нами, и не только количественное, хотя прозаиков в Европе всё же побольше, нежели поэтов...

Но вернёмся к нашим литературным гигантам.

Старший научный сотрудник Дома-музея Н.С. Лескова Тамара Синякова отметила: «Из всех орловских писателей Николай Семенович Лесков, наверное, самый орловский. Его сын Андрей Николаевич говорил, что он насквозь русский, и, я бы сказала, насквозь орловский. Потому что именно с Орлом были связаны его детские и юношеские годы».

Эти слова приведены автором статьи «Орел. Город на века» (Источник: Орловское информбюро).



Село в Орловской губернии. Художник М.К. Клодт

В имении «Новосёлки» Мценского уезда Орловской губернии родился поэт Афанасий Афанасьевич Фет. Вчитайтесь в его стихи. Они прекрасны:

Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.

9 июня 1886

В Болхове Орловской губернии появился на свет поэт Алексей Николаевич Апухтин, автор стихотворения, ставшего известным романсом:

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнём озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876 год.

Орловским себя считал и Леонид Андреев. Он писал: «Я родился в городе, где есть природа, и значит, этот город не Москва».

В публикации Орловского информбюро, размещённой в интернете, говорится:

«Орёл – литературная столица. И не важно какая – третья или вторая. Именно здесь родились Тютчев, Грановский, Дуров, Фет, Писарев, Апухтин, Пришвин и многие, многие другие. На страницах биографии литературной Орловщины есть такие имена, как Крылов, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Толстой, Горький, Есенин, и ещё десятки и десятки имён».

Заявления же некоторых противников этого определения, мол, Тургенев умер в Париже, а Бунин был в Орле всего три года, делаются от невежества. Да, Тургенев провел в Париже немалую часть своей жизни, но... Только теперь открываются истинные причины этого. Тургенев был резидентом русской разведки, причём в его задачу входила деятельность особая. Теперь бы его назвали, наверное, агентом влияния – он отслеживал все негативные материалы о России в средствах массовой информации и в книгах и организовывал противодействие им с помощью большого круга литераторов, с которыми поддерживал самую живую связь. Ну а Полина Виардо стала отличным прикрытием. Тургенев, приезжая в Россию, увлекался и даже пытался жениться, причём не один раз.

Что же касается Бунина, то он был неразрывно связан с Орловщиной на протяжении всей жизни, да и провёл в этих благодатных краях и детство, и отрочество, и юность, да и потом подолгу жил и работал, создавая великолепные шедевры поэзии и прозы. А оказавшись в эмиграции, продолжал с любовью писать об этих краях. Возьмите хотя бы рассказ «Косцы». Какая любовь к Родине, к родным краям сквозит в каждом слове... Вот она, неповторимая Орловщина, вот оно, чудное и чудодейственное Черноземье, воплощённое в художественные строки рукой мастера изящной словесности Ивана Алексеевича Бунина.

«Кругом нас были поля, глушь срединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой – или благословенной – богом стране (...). А вокруг – беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством. «Закатилось солнце красное за тёмные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!» Закатилось мое счастье, вздыхал он, темная ночь с ее глушью обступает меня, – и все-таки чувствовал: так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитятко!» И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его «по его младости». Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклания, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные топи болотные, пески летучие – и просил милосердный Бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...»

Это написано в Париже, в 1921 году, в самом начале печального, горького, казавшегося бесконечным времени эмиграции.

Кем мог стать человек, родившийся в этих краях и наделённый даром литератора? Конечно, он не мог не стать поэтом, не мог не воспеть то, что открывалось ему с самого раннего детства.

До нас не дошли сведения о том, какие любовные увлечения окрыляли в детские годы в этих краях Фёдора Ивановича Тютчева. Мы можем только предполагать, что таковые чувства были, как были они и у Тургенева, и у Бунина, и у Льва Толстого, да и у других писателей и поэтов, оставивших воспоминания о том в своих произведениях, подарив свои чувства литературным героям.

И всё же в целом ряде стихотворений Фёдор Иванович Тютчев оставляет, правда вскользь, к слову, намёки на то, что его сердце воспламеняла любовь в детские годы, в неповторимых, живописных краях Орловщины, благодатных краях Русского Черноземья. Как это было? Быть может, примерно так, как у наших выдающихся мастеров художественного слова?

К примеру, именно на Орловщине Бунин встретил любовь, причём любовь, если использовать определение Пушкина, раннюю, да и первую любовь тоже там встретил. И ранняя и первая любовь блестяще описаны в романе «Жизнь Арсеньева».

«Через час я был уже в Васильевском, сидел за кофе в тёплом доме нашего нового родственника Виганда, не зная, куда девать глаза от счастливого смущенья: кофе наливали Анхен, его молоденькая племянница из Ревеля...»

Вспомните свои первые влюблённости... Вспомните тот необыкновенный трепет, который возникал при каждом мелком брошенном взгляде девичьих глаз, а тем более при первом, самом невинном, кротком прикосновении. Вспомните, и вы найдёте в тех давних своих чувствах то, что столь прекрасно описано Буниным...

«И прекрасна была моя первая влюблённость, радостно длившаяся всю зиму. Анхен была простенькая, молоденькая девушка, только и всего. Но в ней ли было дело? Была она, кроме того, неизменно весела, ласкова, очень добра, искренно и простодушно говорила мне: «Вы мне, Алёшенька, очень нравитесь, у вас горячие и чистые чувства!» Загорелись эти чувства, конечно, мгновенно. Я вспыхнул при первом же взгляде на неё, – как только она, во всей свежести... вышла ко мне, насквозь промёрзшему за дорогу со станции, в вигандовскую столовую, розово озарённую утренним зимним солнцем, и стала наливать мне кофе. Едва я пожал её ещё холодную от воды руку, сердце во мне тотчас же дрогнуло и решило: вот оно! Я уехал в Батурин совершенно счастливый...»

Разве не могло быть что-то подобное у Тютчева? Ведь случалось, что дворянские отроки влюблялись в дворовых девчонок, случались жаркие романы и у дворянских юношей с девушками из соседских имений. Наверняка и у Тютчева были какие-то детские и отроческие увлечения, наверняка были и стихи, просто они не сохранились. Но уж таков был Тютчев. Он на протяжении всего своего творчества не заботился о сохранении написанного им, и в том, что не всё утрачено, заслуга родных и близких поэта, особенно его дочерей, трепетно сохранявших стихи.

А в стихах этих нет-нет да и промелькнёт...

Когда в кругу убийственных забот

...)

Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет.

Разве вам, дорогие читатели, не приходилось в те моменты, когда вот в этом самом «кругу убийственных забот» жизнь превращалась в нудное течение серой прозы, вспомнить поэзию детства, отрочества, юности, разве не приходилось с щемящей, но тёплой тоской воскресить в памяти те увлечения, которые заставляли «убийственно» (употребляю излюбленное определение Тютчева) замереть, заново ощущая то, что, казалось, давно забыто? Именно так минувшее обвеет и обнимет, когда Иван Алексеевич Бунин будет завершать свой роман «Жизнь Арсеньева», который во многом, очень многом биографичен. Вспомним завершающие строки...

«Недавно я видел её во сне – единственный раз за всю свою долгую жизнь без неё. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице её уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур.

Я видел её смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда...»

Вот так: «Ни к кому никогда!» Вдумайтесь в это признание! Иван Алексеевич не раз увлекался, влюблялся, заводил романы, один из которых, по нынешнему либерально-демократическому определению обычного сожительства, граничил с «гражданским браком», дважды женился, но так и не забыл ту свою самую первую настоящую любовь. Он посвятил ей, этой любви к Пашенко и драмам этой любви целый роман, роман прекрасный, которым восторгались и восторгаются миллионы читателей и в России, и за рубежом.

Пушкин выразил свои чувства ранней и первой любви в нескольких замечательных стихотворениях. А вот Лермонтов вложил своё первое чувство в несколько строк:

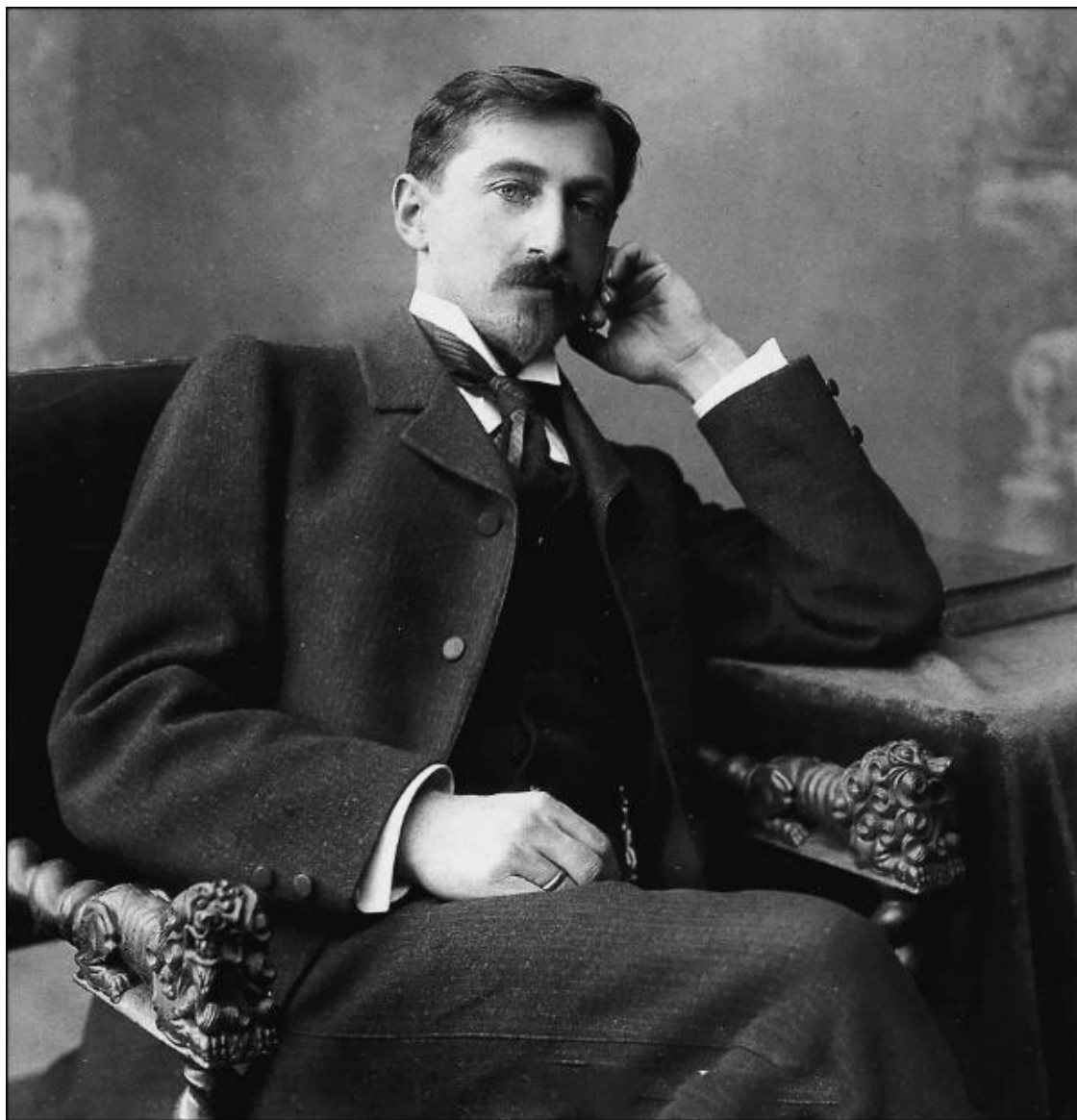
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомят тот взор:
Люблю я Кавказ!..

Тютчеву понадобились всего лишь две строки...

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет!

Но зато какие строки! Они посвящены Пушкину, русскому гению, которого Аполлон Григорьев определил на века как «Наше всё».

Эти великолепные, незабываемые, трепетные и до пронзительности искренние чувства, воспламеняющие непорочные сердца, дороги каждому. И, конечно, не исключение люди творческие. Об этих чувствах писали не только Бунин и Тургенев, об этих своих ярких вспышках, озарявших юные сердца, писали и Алексей Максимович Горький в книге «Детство. В людях. Мои университеты» и Сергей Тимофеевич Аксаков – «Детские годы Багрова-внука». Автобиографичны и многие рассказы известных писателей и поэтов, «На заре туманной юности» Владимира Сергеевича Соловьёва, «Первая любовь» Константина Алексеевича Коровина, не только художника, что широко известно, но и писателя, что известно в меньшей степени. Я специально перечисляю эти произведения, в надежде, что они заинтересуют читателей, которые ещё не знакомы с этими шедеврами русской любовной прозы.



И.А. Бунин

Наверное, одними из самых близких к реальной действительности являются произведения Льва Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Лев Николаевич собирался ещё написать четвёртую книгу «Молодость», но так и не исполнил свой замысел, поскольку отвлёкся на другие, по его мнению, более важные произведения.

Известно, что на творчество каждого литератора, будь то поэт или прозаик, оказывают огромное влияние именно его любовные увлечения, в том числе и увлечения самые ранние.

И вот это проникновенное тютчевское: «Нам на душу отрадное дохнет, / минувшим нас обвеет и обнимет», – нет-нет да приходит к каждому, особенно на величественных и необъятных просторах нашей Великой Русской Земли, которая одна только может вдохнуть не только дух мужества, долга, чести и отваги, но и дух всепобеждающей любви к Родине и, говоря словами Пушкина, «любовь к родному пепелищу». И, конечно, любовь к Женщине!

В усадьбе всё располагало к любви...

Если Москва, как известно, стоит на семи холмах, то тютчевское село Овстуг – на восьми. Конечно, холмы различны по размерам своим, но необыкновенно живописны. Сбегают они словно ступеньки к реке Десне, в которую впадает речушка Овстуженка, протекающая через село. На речушке – две водяные мельницы, на холмах – ветряные. С мельницами, как водится,

связаны таинственные и мистические легенды. Быть может, именно в родных краях, под влиянием рассказов старожилов, у Тютчева зародился интерес к мистике, даже к спиритизму, что проявилось уже в зрелые годы под влиянием драм и трагедий, потрясших его самого, его семью и всю Россию.

Тютчевы обосновались в Овстуге в восемнадцатом веке, когда уроженец Ярославской губернии секунд-майор Николай Андреевич Тютчев женился на владелице имения на овстугских землях Пелагее Денисовне Панютиной. Тогда-то и началось благоустройство имения. Дед поэта построил на холме красивый дом, церковь Успения Пресвятой Богородицы, в усадьбе посадил сад и парк и даже озерко было открыто, небольшое, в полгектара, с изящной беседкой на искусственном островке, который соединялся с берегом небольшим мостиком.

Навещая родные края, Тютчев ощущал необыкновенное «Успокоение»...

Гроза прошла – ещё курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сражённый,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозюю освежённой.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась
И радуга концом дуги своей
В зелёные вершины уперлася.

Он писал эти стихи и в Овстуге, писал их и находясь на службе в Мюнхене.



Дуб. Художник И.И. Левитан

Он писал, потому что память оживляла те необыкновенные места, которые манили изда-
лека, но в то же время не могли надолго задержать его при посещении их во время отпусков.
Он постоянно куда-то спешил. Он спешил жить, спешил любить, потому что не любить не мог
– это чувство родилось и было выпестовано самой Русской Природой, Русской Жизнью, такой
многогранной и суетной в городах и такой тихой, мирной, спокойной в сельской местности...

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Естественные прелести природы были усилены прикосновением добрых рук людских, ибо люди в тех краях добрые, приветливые, отзывчивые. Почитайте «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева, и вы убедитесь в справедливости этих слов.

Именно в тех благодатных краях Тютчев понял Природу, ощутил её всем сердцем и написал:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Мне особенно приятно и радостно писать о необыкновенных краях Черноземья, потому что посчастливилось провести детские годы в Тульской области, в небольшом селе Спасское, которое ещё имело в стародавние времена наименование Тихие Затоны, и даже начальная школа, помещавшаяся в небольшом одноэтажном кирпичном здании с благоухающими цветами палисадником, именовалась Тихозатонской. Я отчётливо представляю себе тихую Овстуженку, потому что через Спасское протекала точно такая же речушка Уперта, названная так, вероятно, потому, что, впадая, как бы упиралась в реку Упу, приток Оки, ровно такой же, как и Десна. Я родился в Москве, на Покровке, но в связи с разводом родителей был «сослан» в Спасское к сестре моей бабушки и там учился в первом, втором и немного третьем классе, а потом уже завертела судьба по городам – Старице, Москве, снова Старице, снова Москве и Калинин (ныне Тверь), где и ступил на стезю военную. Но именно в неповторимом краю Черноземья я окунулся в настоящую Русскую Природу, именно там пришла ко мне и Подсказка Создателя, которую я хоть поначалу и приметил, но затем отверг, что так и не позволило обрести то, о чем говорил священник, слова которого приведены в первой главе...

Когда отвергается первое непорочное чувство, когда отвергается Подсказка, что даётся человеку лишь однажды, трудно ждать удачи в сложной круговерти чувств, именуемых любовью, которые подчас могут не быть, а только казаться... Увы, думаю, что я не одинок в этом, а потому, опять-таки, увы, многие читатели смогут отчётливо представить себе все жизненные перипетии, все любовные драмы Фёдора Ивановича Тютчева, которым и посвящены последующие главы.

В книге «Уединённое» Василий Васильевич Розанов заявил:

«Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя»; «везде скучно, где не ты». Это внешнее описание, но самое точное. Любовь вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без неё – нет дыхания, а при ней «дышится легко». Вот и всё».

А ведь у Тютчева зачастую было именно так... Да не совсем так.

Однажды он написал:

День кончился. Что было в нём?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днём,
А всё-таки – не повторится...

Точно так не могут повториться и всплески чувств, если в основе своей они ранены на взлёте, в юности или даже в отрочестве.

«Тебя ж, как первую любовь»

Итак, домашнее образование Тютчев получил в родовом имении в Овстуге. Отличное по тем временам образование. Быть может, даже отчасти отличное и по нашим временам. Но это было всё же началом начал. Настало время продолжить учёбу уже в высшей школе. Для этого семья отправилась в Москву, где в 1817 году четырнадцатилетний Тютчев поступил в Московский университет на словесное отделение, правда, сначала лишь вольнослушателем.

О деревенских увлечениях поэта сведений не сохранилось. Сам он ничего о том не рассказывал, да и домашние не упоминали.

Но вот Москва раскрыла свои объятия. Сожжённая французами древняя столица ещё отстраивалась после варварства европейской банды, бесчинствовавшей там в сентябре-октябре 1812 года.

Именно в Москве ворвалось в сердце будущего поэта первое сильное чувство. Сведения о нём крайне скудны. Известно лишь, что любовь пришла в том возрасте, когда и Тургенев ощутил это высокое и всепобеждающее чувство, отражённое в прекрасной повести «Первая любовь». У Тургенева это случилось летом, в предместье Москвы, на даче, в том самом предместье, которое теперь уж давным-давно в черте города, Тютчева же любовь нашла, когда он жил в Москве, в родительском гнезде, в Армянском переулке, доме номер 11 и учился в Московском университете.

Этот переезд как бы ознаменовал вступление в большую жизнь, уже почти взрослую жизнь. Тютчев нередко бывал в Москве и в предшествовавшие десять лет, то есть в детстве и раннем отрочестве. Правда, гостил у тётки матери недолго. Тётка была замужем за генерал-поручиком графом Фёдором Андреевичем Остерманом, действительным тайным советником, в 1773–1780 годах возглавлявшим Московскую губернию. Дом Остермана находился у Покровских ворот в Малом Трёхсвятительском переулке, во дворе. Дом 8... кстати, этот дом был завещан матери Фёдора Ивановича Анне Васильевне. Но семейство было большое, и поэтому в 1810 году Тютчевы приобрели дом неподалёку, в Армянском переулке, который находится между Маросейкой и Мясницкой улицами. Этот дом был построен в восьмидесятые годы восемнадцатого века, как раз в период губернаторства Остермана, и был похож на настоящий дворец. Автор проекта – в ту пору ещё совсем молодой, а впоследствии знаменитый скульптор Казаков.

И хотя всё это было ещё до сожжения Москвы французами в 1812 году, этот престижный уголок мало менялся долгие годы. Помню обстановку в районе Покровки и Чистых прудов в 50—60-х и даже в семидесятые годы двадцатого века, потому что моё детство прошло неподалёку от обоих Трёхсвятительских переулков, Малого, помнившего Тютчева, и Большого, потому что по случайному совпадению родился в доме 8, но только по Покровскому бульвару. До Малого Трёхсвятительского было рукой подать. Достаточно спуститься по Покровскому бульвару в сторону Яузского, пройти Милютинский садик, в котором я в детстве гулял с няней или бабушкой, ну и будет справа по ходу Большой Трёхсвятительский, затем ещё немного... и Малый, который с 1924 по 1993 год был Вузовским, но бабушка моя его так и звала в 50—60-х Трёхсвятительским.



Дом Тютчевых в Армянском переулке в Москве

Места были тихие, спокойные даже в середине двадцатого века, а что уж говорить о начале девятнадцатого?!

Хотелось бы сказать, что, быть может, и Тютчев гулял по Милютинскому садику, но, увы, до революции этот старинный сад, по адресу Покровский бульвар, дом 10 принадлежал Межевой канцелярии и Константиновскому межевому училищу. Выхода на бульвар не было. Ворота сделали только в двадцатые годы двадцатого века. Ласкают слух старинные названия Маросейка, Покровка, Мясницкая... В советское время Маросейка, переходящая после Армянского (если ехать от центра) слева и Старосадского справа переулков в Покровку, была улицей Богдана Хмельницкого, Мясницкая улицей Кирова. Этот район старой Москвы был богат знаменитостями. Здесь жили поэт, баснописец, член Российской академии Иван Иванович Дмитриев и поэт, писатель и драматург эпохи Просвещения Михаил Матвеевич Херасков. В доме в Армянском переулке в гостях у Тютчевых бывали Василий Андреевич Жуковский, поэт и переводчик Александр Фёдорович Мерзляков, профессор Московского университета, братья Александр и Николай Тургеневы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.